

Е.П.Панова

ОБРАЗ ИКОНЫ В ПОВЕСТИ В.КАТАЕВА «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ»

Рассматривается обращение В.Катаева к образу иконы в повести «Белеет парус одинокий». Несмотря на то, что произведение опирается на атеистические представления о месте человека в современном мире, тем не менее, в повести достаточно часто встречается образ иконы. Писатель переосмысливает художественный образ иконы с иных идеологических позиций. Христианское понимание образа развенчивается в повести, уступая место коммунистическим концепциям и идеалам.

Ключевые слова: икона, христианские ценности, революция, Катаев

Писатели в дореволюционной России к образу иконы обращаются очень часто. Однако в связи со сложившейся революционной ситуацией 1917 года, в связи с переоценкой ценностей и идеалов в сторону атеистических воззрений, казалось бы, образ иконы должен исчезнуть не только из жизни людей, но и из художественного текста. Тем не менее, икона в детской приключенческой прозе 20—30-х годов продолжает занимать немаловажное место.

Возможно, данное явление связано с тем, что писатели этого периода были выходцами из дореволюционной России и воспитаны в традиции русской православной церкви. Добавим также, что икона как отражение первообраза, несмотря на отрицание коммунистическим режимом Церкви и нравственно-христианских идеалов, продолжала оказывать огромное влияние как на бытовую сферу в жизни русского человека, так и на культурную.

«Икона дает человеку онтологическое чувство реального присутствия Божия. Икона — образ, непосредственно связанный с Первообразом, насыщенный божественной энергией и благодатью своего небесного, запредельного первообраза, и почитание, которое человек воздает иконе, относится не к дереву и краскам, не к произведению искусства, каким бы совершенным оно ни было, а восходит к Первообразу» [1, с. 9]. И, несмотря на идеологическую пропаганду, писатели 20—30 годов в детско-юношеских произведениях, тем не менее, обращались к образу иконы в своих художественных текстах с разными целями. С одной стороны, в текстах некоторых писателей сохранялась молитвенная функция иконы: «Икона может вызвать в человеке эстетическое чувство прекрасного, но главное, к чему она призвана, — пробуждать в предстоящем духовную потребность молиться, пробуждать в предстоящем духовную потребность молиться, припадать к Богу в покаянии, искать утешения в скорбях» [1, с. 9]. Но, с другой стороны, в произведениях отражалась историческая реальность данного времени. Художественный текст также использовался часто в качестве арены для борьбы с православными традициями. Утверждая атеистические и коммунистические воззрения, новая детско-юношеская приключенческая проза стремилась разоблачить как святость традиций и образа Христа, Богородицы и угодников Божьих, так и христианские обряды (икону, молитву, крестный ход, колокольный звон, проповедь, церковную утварь и др.)

Обратимся для примера к анализу повести В.Катаева «Белеет парус одинокий». Пространство повести разделено на две части: первая — мир старой, уходящей России, а вторая — мир обездоленных, мир пролетариата и бедных рыбаков. В обоих мирах образ иконы выполняет свою идейно-художественную функцию.

В мире уходящей России образ иконы рассматривается как святыня. В главе «Погром» образ иконы вызывает в человеке молитвенное обращение к ней. Отец Пети настолько наполнен религиозным просветленным чувством, что готов отдать жизнь за спасение святых ликов, лишь бы не допустить их осквернения.

В городе начался погром евреев, и обезумевшая толпа не заходила в те дома, в которых выставляли в окно иконы. В доме Пети Бачей служанка Дуня выставляла иконы на подоконники лицом на улицу, отец Пети, увидев это, в ярости закричал: «Не смейте! Я вам запрещаю!.. Слышите? Сию же минуту прекратите... Иконы существуют не для этого... Это... это кощунство... Сейчас же... /.../. Никогда еще Петя не видел отца таким: он трясся и был страшен. Он бросился к подоконнику и схватил икону.

Но Дуня крепко держала ее и не отпускала.

— Барин!.. Что вы делаете?.. — с отчаянием кричала она. Они же всех чисто поубивают! /.../.

— Молчать! — заорал отец, и жилы у него на лбу страшно вздулись. — Молчать! Здесь я хозяин! Я не позволю у себя в доме... Пускай приходят! Пускай убивают всех!.. Скоты!.. вы не имеете права... Вы не имеете...» [2, с. 210].

Главный герой проявляет не только огромную силу духа, но, прежде всего, крепкую веру истинного христианина, который не боится погибнуть от рук неверных за веру Христову. В душе у отца горит настоящий огонь веры в Бога, поэтому он и не позволяет осквернить иконы, опустив образ до уровня бытовой утвари, некоего магического символа.

Во втором мире, в мире бедных рыбаков, работающих с утра до ночи за возможность выжить, образ иконы лишается своего религиозно-мистического смысла и предназначения. Икона осмысливается с атеистических позиций, теперь, определяется в качестве утвари.

«Старая, до черноты закопченная икона св. Николая-чудотворца — покровителя рыбаков, прибитая в углу над полкой, смотрела продолговатым кофейным пятном древнего лика и жуткими глазами киевского письма» [2, с. 101].

Икона окрашена в темный тона, мрачные эпитеты «старая, до черноты закопченная», «продолговатое кофейное пятно», «жуткое, киевское письмо» создают образ не светлый, не молитвенный, а скорее, наоборот, икона действительно напоминает собой не спасительный чудотворный образ, а обычную «согнутую от времени темную доску».

В душе читателя не рождается ощущение красоты, благодати, благолепия при соприкосновении с образом иконы Николая Угодника в повести В. Катаева, а возникает чувство никчемности, пустоты и бессмысленности бытия.

Далее у В. Катаева находим: «Сейчас по этому вековому лицу снизу вверх *струились легкая копоть и свет лампочки*. Лицо, казалось, живет, дышит...» [2, с. 101].

Здесь писатель снижает образ святителя Николая, разрушает его высоту, красоту и одухотворенность. Икона в данном описании из-за идеологических соображений лишается своего истинно-религиозного значения. Писатель делает попытку развенчать животворящую, чудодейственную сторону образа.

«Но, по правде сказать, последнее время чудотворец стал что-то сдавать. Когда дедушка был помоложе, имел хорошую снасть, парус, силы, чудотворец — ничего, помогал. Был от чудотворца в хозяйстве кое-какой толк. *Но чем старше становился дед, тем меньше было толку и от святого*.

Конечно, если паруса нет в рыбацком хозяйстве, если силы у старика с каждым днем убывают, если денег не хватает на мясо для наживки, *то будь ты хоть самый расчудотворец — рыба пойдет мелкая, никудышняя...* И нечего от человека требовать. Видно, и чудотворцу нелегко идти против старости и бедности» [2, с. 101].

Автор высмеивает веру прожившего жизнь рыбака в чудодейственную помощь иконы и святителя тем, что пытается объяснить христианское чудо с атеистической и материалистической точек зрения. В. Катаев стремится заземлить образ, опровергнуть многие известные чудодейственные свойства иконы, применив научно-материалистический подход: «но чем старше становился дед, тем меньше было толку и от святого /.../. Видно, и чудотворцу нелегко идти против старости и бедности» [2, с. 101].

Но тем не менее, несмотря на то, что дедушка «не верил ни в Бога, ни в черта», он накладывает на себя крестное знамение, соблюдая, скорее, привычный с детства обряд, но горечь от тяжело прожитой жизни вызывает сокрушение сердца, проявляясь в скупой горючей слезе: «Дедушка повернулся к чудотворцу, прикрыл глаза и медленно, размашисто перекрестился, с силой вдавливая сложенные щепоткой пальцы, в лоб, в живот, в оба плеча. Крошечная, еле заметная слеза поползла по щеке и пропала в морщине» [2, с. 150]. Ирония, возникающая в подтексте данного отрывка, развенчивает святость крестного знамения. Таким образом Катаев хочет донести до читателя, что никакого чуда в жизни дедушки не произошло, а были лишь тяжелая жизнь и непосильная работа.

В описании больного присутствует образ цветов васильков: «Больной не спал. Ослабевший от ночного пота, он неподвижно лежал на спине, глядя живыми, сознательными глазами на образ чудотворца *с пучком свежих васильков*, заткнутых за согнутую от времени темную доску» [2, с. 105]. Образ васильков В. Катаев использует неслучайно. Если мы обратимся к народному мифопоэтическому сознанию, к народной символике древнерусской культуры, то обнаружим следующую интерпретацию мифопоэтического образа цветка-василька, принятую в русской народной традиции: «В легендах и преданиях это символ любви, бессмертия, семейного счастья». Там же находим, что «этими цветами окуривали больных, цветы клали в гроб» [3]. В другом источнике обнаруживаем: «Им украшали кресты в церквях, клали за иконы» [4]. Цветок-василек в повести, таким образом, вызывает следующие аллюзии: святость, бессмертие, вечность. Они возникают благодаря следующей легенде, которая известна в народном православии: «В царствование Ивана Грозного жил в Москве Василий Блаженный, юродивый. /.../. Ночевал чаще всего на *кладбищах там же и умер*. Нашли его в траве, вокруг него так благоухало! Сначала думали было, что это благоухает тело Блаженного, но оказалось, что благоухала трава, в которой он лежал. И назвали ту траву травой Василия — *васильками*» [4]. Соответственно, автор не случайно использует образ васильков, который сопряжен с символами вечной жизни и смерти. Мотивы святости и мученичества возникают в конце повести и сопровождают образ дедушки в произведении «Белеет парус одинокий».

Особенность в том, что образ мученичества, заложенный в крестьянско-христианском мышлении, лежит в основе «коллективного бессознательного» (см. [5]) простого народа. Атеистическое общество требовало иной трактовки, стремясь заменить глубинное понимание иным содержанием для укрепления новой власти и нового светлого будущего. Поэтому в описании ареста дедушки за укрывательство беглого матроса от властей, избивание, а затем освобождение из тюрьмы так ярко просматриваются черты христианского мученичества.

«Но боже мой, что стало с дедушкой! Гаврик даже не сразу его узнал. Навстречу мальчику, держась поближе к домам, покачиваясь на согнутых, как бы ватных ногах, тяжело шаркая рваными чеботами по щебню и останавливаясь через каждые три шага, шел дряхлый старик с серебряной щетиной бороды, с голубенькими слезящимися глазами и провалившимся беззубым ртом. Если бы не кошелка, болтавшаяся в дрожащей руке старика, Гаврик не за что бы не узнал дедушку» [2, с. 188].

В описании похорон дедушки возникает мотив света. Льющийся свет озаряет тело дедушки подобно горному свету. Огонек церковной свечки тускнеет перед этим естественным солнечным светом, озаряющим все вокруг и, как будто, символизирующим, что не напрасна смерть дедушки за правое дело, мученическая смерть. Мотивы подвижничества и самопожертвования во имя коммунистического будущего наводят на мысль о рождении иного типа святости, о рождении культа революционной святости, которую олицетворяет собой в повести образ дедушки.

«Дедушка с выпукло закрытыми глазами и подбородком, подвязанным платком, лежал на той же самой жидкой кровати. Из крупных рук, высоко выложенных на груди поверх иконы св. Николая, торчала желтая свечечка. Сквозь вымытое стекло падал столб такого яркого и горячего солнечного света, что пламени свечки совсем не было видно. Над расплавленной ямкой воска виднелся лишь черный крючок фитилька, окруженный зыбким воздухом, давшим понять, что свеча горит» [2, с. 230].

И вновь возникает образ иконы святого Николая-чудотворца, но обретает этот образ иное звучание: юный читатель начинает воспринимать икону, крестное знамение, свечку и, как следствие, васильки в качестве пережитков прошлого, в качестве темного архаического подсознания безграмотного народа, чье сознание затуманено религиозной атрибуцией. И «просыпается» это «темное» народное сознание от векового угнетения к новой жизни, по мнению В. Катаева, под влиянием коммунистической идеологии. Так в повести происходит подмена истинных христианских традиций коммунистической идеологией.

Добавим, что мученическая смерть дедушки объединила вокруг себя народ: «Слух о похоронах старого рыбака, избитого на участке, непонятным образом облетел весь берег от Ланжерона до Люстдорфа. Из приморских переулков целыми семьями и куренями выходили рыбаки — малофонтанские, среднефонтанские, с дачи Вальтуха, из Аркадии, с Золотого Берега, — присоединяясь к процессии» [2, с. 231]. Пришло очень много людей проститься с дедушкой и почтить его память. Похороны дедушки в повести сопоставимы с описанием проводов в последний путь старца Зосимы в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». В главе «Алеша» Достоевский следующим образом описывает толпание людей со старцем Зосимой: «День был ясный и светлый, и из прибывших богомольцев многие толпились около скитских могил, наиболее скученных кругом храма, равно как и рассыпанных по всему скиту /.../.

Простого же народу входило мало, хотя и столпилось много его у ворот скитских. Несомненно то, что именно после трех часов прилив посетителей светских весьма усилился, и именно вследствие соблазнительного известия. Те, кои бы, может, и не прибыли в сей день вовсе и не располагали прибыть, теперь нарочно приехали, между ними некоторые значительного чина особы» [6, с. 43]. Оба эти эпизода схожи тем, что смерть человека объединяет людей, которые пришли почтить память усопших Зосимы («Братья Карамазовы») и дедушки-рыбака («Белеет парус одинокий») не как обычных людей, а как святых.

Однако, святость обоих героев (Зосимы и дедушки) в корне различны: Зосима — истинный христианский святой, объединивший людей идеей спасения во Христе, а дедушка-рыбак — обычный человек, ставший прообразом мученика-революционера, отдавшего свою жизнь ради построения нового мира, опирающегося на иную идеологию. Так в повести В.Катаева зарождается новый герой, который в последствии станет центральным в атеистической советской литературе.

В заключение необходимо сказать, что несмотря на то, что советское государство разрушало христианские ценности и традиции, тем не менее оно использовало в своих целях основные нравственные ценности православия, подменив Бога коммунистической идеологией. Идеи спасения и создания земного рая становятся центральными в художественной литературе этого времени, но прозрение и спасение заблудшего человека новые писатели видят только в коммунистической системе ценностей.

1. Лепяхин В. Икона в русской художественной литературе. М.: Изд-во «Отчий дом», 2002. 736 с.
2. Катаев В. Белеет парус одинокий // Катаев В., Паустовский К., Полевой Б. Повести. Библиотека мировой литературы. М.: Детская литература, 1979. С. 29-249.
3. Кононенко А.А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии [Электр. ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/406240> (дата обращения: 25.01.2021).
4. Чернышева В.Г. Легенды и поверья о растениях. Василек [Электр. ресурс]. URL: <https://myphs.jimdofree.com/2013/07/21/василек/> (дата обращения: 25.01.2021).
5. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2020. 224 с.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы [Электр. ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/p.43/index.html> (дата обращения: 25.01.2021).

References

1. Lepakhin V. Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature [Icon in Russian fiction]. Moscow, 2002. 736 p.
2. Kataev V. Beleet parus odinokiy [The Lonely White Sail]. In: Kataev V., Paustovskiy K., Polevoy B. Povesti. Biblioteka mirovoy literatury. Moscow, 1979, pp. 29-249.
3. Kononenko A.A. Entsiklopediya slavyanskoy kul'tury, pis'mennosti i mifologii [Encyclopedia of Slavic culture, writing and mythology]. Available at: <https://history.wikireading.ru/406240> (accessed: 25.01.2021).
4. Chernysheva V.G. Legendy i pover'ya o rasteniyakh. Vasilek [Legends and beliefs about the plants. Cornflower]. Available at: <https://myphs.jimdofree.com/2013/07/21/vasilek/> (accessed: 25.01.2021).

5. The Archetypes and The Collective Unconscious (Collected Works of C.G. Jung, vol.9, part 1), Princeton University Press, 1981 (Russ. ed.: Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe. Moscow, 2020. 224 p.).
6. Dostoevskiy F.M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1199/p.43/index.html> (accessed: 25.01.2021).

Panova E.P. The image of the icon in the story “The Lonely White Sail”. The article examines V.Kataev's appeal to the image of the icon in the story "The Lonely White Sail". Despite the fact that the work is based on atheistic ideas, the image of an icon is often mentioned in the story. The writer reinterprets the artistic image of the icon from different ideological positions. The Christian understanding of the image is debunked in the story, giving way to communist concepts and ideals.

Keywords: icon, Christian values, revolution, Kataev.

Сведения об авторе. Елена Павловна Панова — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин; Московский политехнический университет; ORCID: 0000-0002-3868-3834; panova_er@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к публикации 15.03.2021.

Ссылка на эту статью: Панова Е.П. Образ иконы в повести В.Катаева «Белеет парус одинокий» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3(36). С. 295-298. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).295-298

For citation: Panova E.P. The image of the icon in the story “The Lonely White Sail”. Memoirs of NovSU, 2021, no. 3(36), pp. 295-298. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).295-298